

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ (ГОРНОЗАВОДСКОЙ УРАЛ в 20 – 30-е гг. XVIII в.)

В общем модернизационном процессе России выделяют две определяющие его особенности. Во-первых, традиционно привлекающая внимание исследователей доминирующая и иницирующая роль государства: всецелое господство в экономике и общественной жизни в эпохи мирного, эволюционного развития и «революции сверху» в переломные моменты истории. Во-вторых, серьезные региональные различия: противоречия в социально-экономическом и культурном развитии во времена стабильности и скрытое или даже открытое противостояние, усиление центробежных тенденций в эпохи внутренних кризисов.

Применительно ко второй позиции необходимо обратить внимание на то, что конгломерат народов, типов цивилизаций, объединенных мощным государством, был присущ все же для доиндустриальной эпохи; в дальнейшем понятие «региональный момент» включало скорее конгломерат типов территориального социально-экономического развития [1]. В этой связи весьма любопытной представляется именно эпоха зарождения индустрии России и, в частности, ее ключевой момент — период форсированного строительства казенных горных заводов на Урале в 20 – 30-е гг. XVIII в. Формы и особенности этого явления (которое, несомненно, требует более серьезного определения, нежели «петровская индустриализация» и т.п.) в масштабах страны послужили отправной точкой периода «новой истории», а на местном уровне стали началом процесса регионоформирования — впервые в России.

В первые 20 лет века на Урале обозначилась не более как тенденция регионального развития: строительство заводов ни организационно, ни технологически не выходило за рамки традиционализма XVII в. Впрочем, уже тогда стала очевидной «небуржуазность» процесса зарождения горной промышленности края: базовый завод Демидовых — Невьянский был ими не выстроен, а приватизирован; не только не появилось новых фамилий заводладельцев (Федор Молодой с его Мазуевским заводом — просто яркое исключение), но и сколько-нибудь заметные заводские компании крестьян и разночинцев обычно держались не более пяти лет и исключительно за счет государственной поддержки. Крестьянские и разночинские заводы середины и конца 1710-х гг. (Романовский, Шувакишский) и начала 1720-х гг. (Истекаевский, Толмачевский) были, по нашему мнению, предприятиями самодостаточными, не товарными.

В принципиально иных формах и темпах процесс промышленного освоения края пошел после учреждения в 1720 г. Уральского горного управления* и особенно по вступлении в его руководство В.И. Генина в 1722г. Во времена Генина строилось в среднем в год по казенному заводу, сразу по его отъезде были выстроены Гороблагодатские заводы (Кушвинский и Туринский) — базовые предприятия казенной черной металлургии. Возникший за рамками

* Здесь мы придерживаемся последнего названия.

традиционных административных структур (воеводского управления и системы Сибирского приказа) новый орган — по своей разновидности распорядитель типа автоном [2] с самого своего основания обладал властными полномочиями и субординативно приравнивался губернской канцелярии, а его руководитель — губернатору. Территориально его объект управления и явился формируемым регионом вне зависимости от сложившейся административной сетки, а так называемое Екатеринбургское ведомство — «горнозаводская провинция» в составе Сибирской губернии — имело черты ядра формировавшегося региона. Первую же серьезную неудачу казенной промышленной экспансии (незавершенное строительство Иковского и Табынского медеплавильных заводов в 1736 — 1739 гг.) можно, по-видимому, считать верхней границей эпохи форсированного строительства. Официальный отказ от строительства означал объективную невозможность автоматического переноса наработанного опыта на территории с иными реалиями (лесостепная зона Южного Урала) и одновременно знаменовал собой старт альтернативного пути промышленной колонизации неосвоенных земель (поддержка заводчиков-купцов со средним достатком, в данном случае, сначала Семена Иноземцева, а затем Мясникова и Твердышева).

С технологической точки зрения для изучаемого периода были характерны следующие особенности: в черной металлургии — массовое строительство и реконструкция имевшихся домен по европейскому типу с круглым сечением и узким колошником (при том что первая подобная домна на Урале появилась лишь в 1717 г.); в передельном производстве — освоение не менее пяти новых типов вододействующих молотов (вместо единственного «боевого» до 1722 г.) и разработка других приспособлений механической обработки металла (вододействующие клещи, ножницы, сверлильные станки и т.п.); в цветной металлургии (которая, собственно, рождалась в этот период) — освоение четырех циклов медной плавки. Мощность вододействующего оборудования (в том числе доменные и горновые меха) определялась, однако, не усвоением европейской технологии, а совершенствованием русской традиции плотинного строения, неизбежной в условиях местного климата и особенно результативной благодаря приписной системе.

Формирование массового слоя приписного крестьянства также соотносится с эпохой форсированного строительства заводов и знаменует появление в России уникальной категории населения, единственной, законодательно включенной в общественное производство. Другое принципиальное отличие приписных от других групп крестьянства — очевидная трансформация их общины из территориальной в «территориально-производственную» (качественно новый момент в русском обществе вообще), хотя очевидность принципиального отличия традиционной и новой общин заметна лишь с середины 40-х гг. века, с упорядочением выплат за переработку сверх подушного оклада. С появлением у приписной общины денег ей становится по силам свалить в судебном порядке не устраивавшего ее заводского управителя. А в 1767 г. выборы депутата от Екатеринбургского ведомства в Уложенную комиссию (в чистом виде по территориально-производственному принципу: заводы идут за уезды) и поучительный случай с депутатом Ермаковым [3] демонстрируют не более и не менее как

формирование политической культуры уральских приписных. Лет за сто до зачатков чего-либо подобного в крестьянской среде России здесь появляется осознанное стремление не к бунту, бегству или челобитью, далее чего не шли и не могли пойти иные группы крестьянства (причем о крепостных Европейской России здесь и речи нет), но к вхождению в законотворческую структуру, к влиянию на законодательство и прямой расчет на сотрудничество с иными сословиями и на поддержку власти.

Этот пример позволяет проследить пути развития предложенной в начале века модели экономико-юридического подчинения государству формально не потерявшей свободы личности. В этой же связи показательно и традиционное требование приписных в случаях приватизации казенных заводов — отказ работать на нового хозяина, а не на монарха.

Вообще в рамках концепции «догоняющей модернизации» процессы усвоения элементов чужой (либеральной) культуры и эволюция на основе саморазвития [4] неизбежно ведут к выяснению возможностей адаптации личности к новым условиям.

Для Урала рассматриваемого периода знаменательно появление нового типа личности, особенно в среде горных офицеров, отчасти и среди мастеровых — человека осознанно работающего на государство: не воюет или служит, как прежние дворяне, но именно трудится, как интеллектуально, так и физически, за деньги (наверняка зная о почти неизбежной задержке выплаты окладного жалованья) и ради должностного продвижения. Характерно в этом смысле появление делопроизводственного оборота «ради казенного ЕИВ интереса и всенародной пользы». Характерно также, что пока новая система ценностей еще не утвердилась в массовом сознании, а старый патриархальный быт уже оказался разрушен, на горнозаводском Урале начинается подлинное алкогольное бедствие — отнюдь не частный момент в 20 — 30-е гг. XVIII в.

В появлении «нового человека» — не аскета, но трудоголика, сыграло, вероятно, свою роль и привнесение контрактерами протестантской трудовой этики, однако переоценивать это не следует. Во времена Геннина на казенных заводах работало чуть больше 10 контрактеров, сам он, вопреки укореняющемуся мнению, относился к ним с известной долей скепсиса и уже в начале 30-х гг. полностью отказался от активной контрактации горных специалистов (другое дело, что ключевой пункт всякого контракта «бесскрытно и по чистой совести» обучить четырех русских учеников за 2-3 года, то есть за первый же срок его, выполнялся неукоснительно). С середины 30-х гг. даже несмотря на самую мощную волну контрактной «иммиграции» (50-60 чел.) на переданные во владение Шембергу Гороблагодатские заводы и учреждение особого контрактерского органа — Экспедиции свидетельства казенных заводов, иноземцы работали почти исключительно берг-гауэрами и штейгерами на рудниках, и кроме собственно Экспедиции не входили в заводское руководство. Фактически надобность в них уже отпала, они стали занимать далеко не самые престижные участки горнозаводского хозяйства и на карьерное продвижение могли рассчитывать, лишь сменив подданство. Тем не менее использование европейских цивилизационных ценностей (производственная орга-

низация и промышленные технологии) системно началось именно на Урале в 20 — 30-е гг. XVIII в. Прежнее заинтересованное знакомство России с европейской культурой, условно начавшееся с московской Немецкой слободы, носило традиционный характер (кутцы, дипломатия, военные наемники и т.п.), характер эпизодов (иноземцы на Каширском заводе под Тулой и Пыскорском заводе на Западном Урале в XVII в.) или исторических случайностей (наплыв пленных шведов в 1710-е гг.).

Рассматриваемый период на горнозаводском Урале привлекателен для исследователя также тем, что здесь и тогда сложилась редкая для России ситуация единства двух составляющих государственной системы (по Н. Моисееву — экономико-политической и управленческой [5]), просуществовавшая по крайней мере до середины 50-х гг., до начала массовой приватизации, когда цели казенной промышленности перестали быть одновременно и жизненными задачами валежелявших ее горных офицеров и чиновников. Тем не менее, даже за столь короткий срок слой горных управленцев приобрел черты самовоспроизводящейся, самообучающейся системы: маркшейдерские, механические, пробирные, геодезические и лесных надзирателей ученики, набираемые из выпускников заводских школ. В общей исторической перспективе это означало рождение русской технической интеллигенции, а в исторической конкретике примером эффективности системы явились прикладная разработка и практическое внедрение нового источника энергии — как раз в те годы, когда в Европе еще только грезили о паровых машинах в промышленности.

В экономике показателем эпохальности преобразований может служить многоукладность, сосуществование противоречивых типов территориального развития, крайняя степень насыщенности ими ограниченной территории (и это в условиях процесса ретноформирования). Для образного представления, в современной Свердловской области (считая северной границей район Кушвы — Нижнего Тагила) можно выделить следующие типы:

- 1) земли коренного населения с полным по тогдашним меркам (башкиры до восстания 1735 — 1740 гг.) или частичным (татары-мещеряки, марийцы) самоуправлением;
- 2) традиционное феодальное землевладение (вотчины Строгановых, вотчины Верхотурского Успенского и Невьянского Знаменского монастырей), где новые реалии — строгановские заводы — внедрялись, но не определяли тотально развитие территорий;
- 3) общегосударственные административно-территориальные образования (Верхотурский и Тобольский уезды Сибирской губернии, Соликамская провинция Казанской губернии) с преобладанием земель государственных или черносошных крестьян, дворянских земель;
- 4) то же, но с новыми реалиями, довлеющими в развитии территории (Кунгурский уезд Казанской губернии); массовые рудопромышленные крестьянские, посадские, татарские компании для снабжения за плату рудой казенных и частных заводов, а также и массовая приписка государственных крестьян;

- 5) территориально-хозяйственный частновладельческий комплекс, развившийся из пожалованного земельного владения и формировавшийся на основе металлургического производства («ведомство Акинфия Демидова»), прообраз частного горного округа;
- 6) принципиально новое административно-территориальное образование (Екатеринбургское ведомство), первый опыт экономического районирования в России, государственный территориально-хозяйственный комплекс в административных границах, прообраз казенного горного округа.

Черты «классического протоиндустриального» развития по восходящей (артель — мануфактура — фабрика) можно увидеть в Кунгурском уезде, чему способствовал характер залегания тамошних медных руд («гнездовой»). Оно началось по крайней мере в 1710-е гг. и сохранилось, хотя и в видоизмененной форме, на протяжении всего века. После скорой деградации малых плавильных заводов рудопромышленные компании превратились здесь в неотъемлемую часть общего горнозаводского хозяйствования зоны. В рамках прочих выделенных типов развитие индустрии шло «классическим российским» путем — «сверху». Казенные и частные заводы определяли здесь экономическую и общественную жизнь; отнюдь не запретительные меры, а обрезки полосового и «баутного» (пруткового) железа, шедшие на свободную продажу как сырье для частных кузниц, уже к началу 30-х гг. полностью задавили старинные крестьянские доменки.

При всей активности процесса регионоформирования Уральское горное управление стремилось не к делимитации подведомственной территории (и уж тем более не к политической автономии), а к экономической самостоятельности территориально-хозяйственных образований (и на зональном, и на районном уровне), а на региональном уровне — к созданию механизма регуляции и мобилизации экономики с перспективой развития его в средство воздействия на экономику всей страны. Так, нереализованный татищевский проект Екатеринбургской ярмарки на последнем этапе предполагал создание общегосударственного ярмарочного «ритма»: Макарьевская ярмарка (июль) — Екатеринбургская (ноябрь-декабрь) — Ирбитская (январь-февраль) — ярмарки в сибирских городах (весна-лето). Очевидно также стремление к расширению подведомственной территории за счет активной промышленной колонизации (направление, в том числе инициативное, горных кадров на Крайний Север и Дальний Восток империи от Северной Двины до Камчатки). В годы башкирского восстания и Оренбургской экспедиции эта политика трансформировалась в политику колониальной войны в чистом виде (Комиссия Башкирских дел в составе Управления, организация «башкирских походов» и прежде не мыслимая поддержка переселенческой инициативы приписных). Удаление препятствия в лице прежде практически равных соперников привела и к устранению противоборствующей «цивилизации» на Южном Урале; отныне восстания башкир были всего лишь бунтами побежденных.

Рассматриваемая эпоха — одна из самых ярких в истории Урала и, по нашему мнению, содержит ключ к пониманию многих процессов и явлений не только края, но и всей страны. Современная Россия началась здесь и тогда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Семенникова П. Феномен России // Наука и жизнь, 1996. № 11. С. 41.
2. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. М., 1983. С. 146.
3. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. М., 1965. С. 355.
4. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993. № 7. С. 4.
5. Моисеев Н. Десятилетние годы. Взгляд и вопросы на рубеже веков // Наука и жизнь, 1998. № 10. С. 3—4.

ON THE TERRITORIAL PATTERN OF MODERNIZATION (THE MINING URALS IN THE 1720s—1730s)

The article looks at the epoch of the forced construction of the mining works in the 1720s—1730s as the turning point in the Urals' history. Distinctive types of the territorial development are picked out within the area. The influence of the European experiences upon the production organization and industrial technologies is also displayed. The author comes to the conclusion that the epoch under consideration is seen as the starting point of the *modern history* of Russia.

N.S.Korepanov